

УДК 159.923.2.

«НАРЦИССИЧЕСКИЙ» ЧЕЛОВЕК КАК СИМВОЛ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

О. И. Жукова, В. Д. Жуков

“NARCISSISTIC” PERSON AS A SYMBOL OF MODERN SOCIETY

O. I. Zhukova, V. D. Zhukov

В статье, анализируя процесс взаимодействия человека и социума, авторы обращают внимание на то, что сегодня личность находится в состоянии двух взаимоисключающих модусах своего существования. Один модус определяется как крайний индивидуализм, разрастание которого сверх меры приводит к нарциссизму и эгоцентризму, другой – как глубокая деперсонализация, ведущая к потере образа своей целостности, состоянию апатии, психической анемии, дезориентированности и беспомощности.

Крайний индивидуализм демонстрирует новый тип современного человека, символом и знаком которого является Нарцисс. Нарциссический тип личности является символом перехода от «ограниченного» индивидуализма к «тотальному». В статье подчеркивается, что для нарциссического человека потерян смысл и значимость социального начала и даже если не совсем потерян, то смещен в сторону его гедонистического толкования. На смену традиционно понимаемому индивидуализму пришел гедонистический, психологический индивидуализм, считающий главной ценностью личные достижения.

Analyzing the interaction of man and society, the authors draw attention to the fact that today a person is in the state of two mutually exclusive modi of their existence. One is defined as a modus of extreme individualism, whose expanding overely leads to narcissism and egocentrism, the other one – as profound depersonalization, leading to the loss of their way of integrity, apathy, mental anemia and helplessness. Extreme individualism is demonstrated by the new type of modern man, whose sign is Narcissus.

Narcissistic personality type is a symbol of transition from limited to full individualism. The paper emphasizes that the narcissistic man has lost the meaning and significance of social origin; if not lost totally, it is displaced towards the hedonistic interpretation. Traditional individualism is replaced by hedonistic, psychological individualism, which considers personal achievement as a main value.

Ключевые слова: человек, общество, нарциссическая личность, эгоцентризм, смысл.

Keywords: man, society, narcissistic personality, egocentrism, meaning of being.

Безусловно, тема взаимоотношения человека и общества достаточно традиционна для философии, но тем не менее она продолжает оставаться одной из ключевых проблем философского дискурса, раскрывая свои новые грани и закономерности. Если обратиться к текстам европейских и отечественных мыслителей, таких как И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, Ф. Ницше, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Маркузе, Э. Фромм, П. Адорно, В. Соловьев, К. Леонтьев, Н. Бердяев, П. Новгородцев и др., то каждый из них в той или иной степени пытался осмыслить и дать соответствующие оценки различным социальным феноменам, затронуть основные проблемы взаимодействия человека и социума.

Очевидно, что в решении ключевых вопросов: «как взаимодействуют между собой человек и социум?», «насколько социум дает возможность раскрыть человеку свою самость?», в силу их сложности и многоплановости не может быть найдено единых и простых ответов, поскольку сами пути взаимодействия индивидуального и социального крайне многообразны. Каждый мыслитель по-разному видит пути взаимодействия индивидуального и социального. Сторонники социоцентрического подхода, исходящие из приоритетных параметров общества, полагают, что общество производит тех людей, которые ему наиболее необходимы. Подобный подход имеет под собой реалистические основания, тем более, как показывает практика, достаточно большая часть людей достаточно охотно и с готовностью подчиняются социальным правилам, воспринимая социальный мир как легитимный, видя в самой социальной реальности опреде-

ленную детерминированность и объективную целесообразность. Сторонники антропоцентрического подхода ставят в центр исследования социума человека и исходят из понимания человека как автономного индивида – субъекта, обладающего сознанием и волей, способного к осмысленным поступкам и сознательному выбору [2].

Здесь необходимо отметить, что, несмотря на достаточно хорошо изученный характер данной тематики, в социально-философской мысли проблема приоритетных предпочтений в сторону социоцентризма или антропоцентризма продолжает оставаться открытой. При этом она приобретает новые грани, аспекты исследования. Анализируя процесс взаимодействия человека и социума, сегодня с полным основанием можно говорить о том, что личность находится в состоянии двух взаимоисключающих модусов своего существования, которые тем не менее одновременно присутствуют в ее мировосприятии. Один модус можно определить как крайний индивидуализм, разрастание которого сверх меры приводит к нарциссизму и эгоцентризму, другой – как глубокую деперсонализацию, ведущий к потере образа своей целостной самости, состоянию апатии, психической анемии, дезориентированности и беспомощности.

Крайний индивидуализм демонстрирует новый тип современного человека, символом и знаком которого является Нарцисс. Каждому поколению людей соответствует тот или иной мифологический образ (будь ли это Эдип, Прометей, Фауст, Сизиф и др.), который выражает преобладающую установку созна-

ния на видения себя в реальности. В современном социуме таким главным героем оказывается Нарцисс. На подобную тенденцию обращают внимание многие исследователи (Т. Адорно, К. Лэш, Ж. Липовецки, П. Козловски, Р. Сеннет и др.)

Нарциссический тип личности является символом перехода от «ограниченного» индивидуализма к «тотальному». Трансформация индивидуализма в своей миниатюре проявляется в феномене персонализации, т. е. обезличенности, пустоте. Для нарциссического человека потерял смысл и значимость социального начала, и даже если не совсем потерял, то смещен в сторону его гедонистического толкования. На смену традиционно понимаемому индивидуализму пришел гедонистический, психологический индивидуализм, считающий главной ценностью личные достижения. Нарцисса больше не интересуют в большей степени политические, социальные проблемы, главенствующее место занимают личностные, психологические, связанные с заботой о себе, своей самости, собственном благополучии. «Homo psychologicus» сменил «homo politicus». «Нарциссизм – это реакция на вызов бессознательного: побуждаемое потребностью обрести себя, наше «Я» погружается в бесконечную работу по освобождению, наблюдению и объяснению своей личности» [3, с. 86].

Одной из определяющих черт нарциссической личности является ее, по большому счету, равнодушие к миру социума. При этом безразличие не означает пассивность, покорность. Равнодушие проявляется в отсутствие каких-либо прочных привязанностей, принципиально основополагающих убеждений. Подобный человек cool (от англ. cool – прохладный) ни в чем твердо не уверен, готов к любым переменам, его взгляды и ценности подвержены быстрой сменяемости. Происходит снижение высших ценностей, отказ от трансцендентных оснований, гипертрофируется личная жизнь, ослабевают ответственность перед обществом. В этом состоянии апатичного равнодушия значимой является лишь частная сфера, забота индивида о своем здоровье, материальном благополучии, где жизнь без категорических императивов, высоких целей и идеалов становится вполне обыденным и естественным состоянием.

В этом плане достаточно показательным является восприятие индивидом своего тела. Физическое тело человека, которое дано ему от природы, принимается или отторгается в зависимости от идеалов, существующих в социуме. Поэтому не существует абстрактного природного тела как такового, тела вне истории социума. Современный социум формирует в человеке совершенно новое чувство тела, ведущее к своеобразному телоцентризму, эгоцентризму телесности, в котором потеряла актуальность проблема преодоления границ физического тела с целью выхода в сторону трансцендентного, духовного, где происходит редукция в сторону фитнес-культуры здорового тела. Деление мира на физическую и трансцендентную реальность теряет свою значимость для личности. Возникает представление, что самость человека – это его тело, и данная внешняя форма воспринимается как практически единственное выражение ее сущности. «Живая человеческая плоть становится самоцелью. Стремле-

ние «быть-также-и-плотью» исчезает за желанием «иметь-только-плоть». Нарциссизм телесного культа колеблется между ипохондрическим недовольством и чувством удовлетворения от созерцания в зеркале результатов физического совершенствования, достигаемого с помощью современной техники» [3, с. 63]. Социум внушает индивиду важность контроля за собственным телом, за тем, как оно выглядит, как себя чувствует. Тело одновременно становится как объектом своеобразного обожания, поклонения, так и объектом, вызывающим чувство неприятия, ненависти. Не случайно сегодня человек чуть ли не главную задачу своей жизни видит в том, чтобы «обмануть» свой биологический возраст с помощью различного рода манипуляций (от занятия фитнесом как системы технических средств поддержания себя, своего тела в функциональном состоянии, до пластических операций по совершенствованию и изменению внешности).

Здесь важно осознавать, что фитнес далеко не всегда приравнивается к понятию здоровья. Как показывает З. Бауман, современный человек во многом формируется в таком социокультурном пространстве, где присутствует постоянная открытость для новых ощущений, нового опыта. Отсюда индивид делает акцент не столько на своем здоровье, как его понимала эпоха модернити (где в качестве четких нормативов бралось стабильное состояние, необходимое для производственной работы и военных подвигов), а на «соответствии», «уместности», т. е. занятии фитнесом (англ. fitness и переводится в данных значениях). Тем самым занятие фитнесом связано с желанием личности соответствовать модным тенденциям, которые преобладают в социокультурной реальности, а не столько думать о своем здоровье в первую очередь. Фитнес подразумевает постоянное движение, изменение, испытывание новых, неизвестных ранее ощущений, познания своих новых физических и как следствие – психических возможностей. Поэтому постановка печати «несоответствия» говорит о том, что человеку недостает энергии, жизненных сил, в нем отсутствуют желания, как и сама способность желать.

Однако, определение физического состояния как «соответствия» логично вызывает появление таких проблем, с которыми никогда не сталкивалось применение нормы «здоровье». Как любая норма, так и норма «здоровье» имеет четкие обозначенные параметры, верхние и нижние границы. Между тем в фитнесе, т. е. «соответствии», таких границ нет. В нем отсутствует горизонт, к которому должна устремляться самость, а отсюда любые усилия не оказываются удовлетворяющими ее до конца и наполняют ее жизнью чувством перманентного недовольства и неотчетливым пониманием того, какой в идеале она должна быть. «Стремление к соответствию, несмотря на радости маленьких побед, пронизано неизлечимым беспокоемством и является неистощимым источником самобичевания и негодования» [1, с. 284]. В данном аспекте современный социум требует от человека ощущать, быть, существовать в качестве мобильного, реактивного, молодого индивида. Но подобная установка на молодость, страх перед старостью порождают у него чувство глубокого невроза, связанного с искаженным восприятием времени, с субъективным ощу-

щением его мгновенностью прохождения, потерянности, а отсюда и усиливающейся неуверенностью перед будущностью своего бытия.

Двойственная тенденция состояния личности (в которой одновременно присутствует и индивидуализм, и деперсонализация) достаточно глубоко проанализирована З. Бауманом. Не случайно одна из ключевых работ английского мыслителя называется «Индивидуализированное общество». В ней показывается, что в современном обществе личное и общественное располагается на двух разных полюсах и каждому из них присуща своя логика, не понимаемая в отношении друг друга. Внутренняя установка личности распоряжаться своей жизнью только исходя из своего эго уводит ее в сторону от коллективных условий, социальных причин и в конечном итоге приводит к тому, что состояние социума вообще не учитывается ею при продумывании своей жизненной программы. Возникает представление об отсутствии пользы в коллективных, согласованных действиях и убеждении в том, что если свою жизнь она может выстроить исходя из своих предпочтений и усмотрений, то законы, по которым функционирует социум, определены окончательно и бесповоротно.

В современном социуме просматривается падение интереса личности к совместным и общим делам. Причем этот процесс зачастую инициируется самим социумом, который передает многие свои обязанности и функции в сферу частных интересов и забот по причине своей неспособности ослабить чувство неопределенности, неустойчивости, недоверия, присущее человеку в его взаимоотношениях со сферой социального. Складывается ситуация, где социум, который должен выступать структурой, способной к решению основных проблем, становится структурой их порождающей, в силу чего разрыв между частным и общественным все более углубляется. Здесь «вколачивание в сознание мысли о том, что «в обществе нет больше спасения», и превращение этой мысли в расхожее правило житейской мудрости (а это легко можно разглядеть на поверхности современной жизни) приводит к тому, что коллективные, общественные орудия трансцендентности отрицаются, прячутся на «второе дно», и человек остается наедине с той задачей, решить которую самостоятельно большинство людей не имеют никакой возможности. Нарастающая политическая апатия и заполнение публичного пространства интимностью личной жизни; «крах общественного человека» Ричарда Сеннетта; стремительное угасание старого искусства укрепления и упрочения старых связей; шизофреническое желание самостоятельности и одновременно боязнь быть всеми забытым (вечное колебание между «дайте мне больше пространства» и макбилловским «я так устаю от самого себя»); раскаленные добела страсти, сопровождающие отчаянный поиск новых сообществ и расщепление уже найденных... все это может иметь общие корни, уходящие ко «второму дну» [1, с. 7].

Итак, учитывая подобные процессы, происходящие с индивидом в современном обществе, можно говорить о том, что задачи критического теоретического осмысления стали во многом более противоположными, чем они были до этого. Так, еще совсем

недавно критическая социальная теория видела в качестве главной своей задачи защиту человека от наступающих, доминирующих сил социума, защиту его от обезличенного, всемогущего государства, что находило свое отражение в концепциях многих философов.

Сегодня задачи социальной теории изменили вектор своей направленности. Многие теоретики (З. Бауман, Ж. Липовецки, А. Панарин, Р. Сеннет, Б. Хюбнер и др.) подчеркивают, что социум сегодня не стремится больше захватить и поработить человека. «Теперь дело обстоит как раз наоборот: именно частное захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда все, что не может быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей» [1, с. 135]. В современном социуме отношение личности к себе самой вытесняет отношение к Другому (что в данном контексте следует понимать как мир Мы, мир социума), аутентичность преобладает над взаимностью, соучастием, в силу чего социальная деятельность, требующая определенных значительных усилий уже не так привлекательна для индивида, как ранее.

Современный человек, которого можно также определить, как «*homo ludens*» (Й. Хейзинга), культивирует игровое, ребяческое отношение к жизни. То, что нидерландский мыслитель называл «перманентным отрочеством» и которое отличает «недостаток чутья к тому, что уместно и что неуместно, недостаток личного достоинства, уважения к другим и к чужому мнению, гипертрофированное сосредоточение на собственной личности. Почву для этого подготавливает всеобщий упадок способности суждения и критической потребности» [5, с. 333]. Достигнув стадии *homo ludens*, человек пытается выстроить свою жизнь без всякого напряжения.

Здесь наблюдается своеобразная эволюция, изменение отношения к своему свободному времени. Если на первых порах человек требовал свободы для реализации себя в качестве творческой личности, то сегодня он зачастую понимает свободное время как ничегонеделание. В «цивилизации досуга» (Ж. Дюмазедье) досуговая практика прошла свое развитие от понимания ее первоначально как времени свободного от работы, ко времени, свободного от бытовых повинностей, и наконец, до времени свободного от любых социальных обязанностей. «Современный *homo ludens* категорически отвергнет как пережитки репрессивного традиционализма любые представления о социальном назначении досуга: как о средстве восстановления способности к труду или как о времени, предназначенном для широкой гражданской активности вне сковывающих рамок профессиональной специализации или, наконец, как о средстве формирования всесторонне развитой личности. Он усмотрит в этом незаконные посягательства на неотчуждаемые права личности. Но такое предельно широкое истолкование личностных прав парадоксальным образом совпадает с их предельно узким толкованием – как правом вести бесцельное животное существование» [4, с. 134]. Но подобное отношение неизбежно приводит к асоциальному мировоззрению как естественному.

Безусловно, здесь необходимо учитывать, что во многом установка homo ludens, нарциссической, самовлюбленной личности, на жизнь в настоящем вне связи с прошлым и будущим, обеспокоенность только поисками собственной идентичности вызвана кризисной ситуацией, в которой оказался современный социум, вообще глобальными проблемами, с которыми сталкивается мировое сообщество. Все это не может не порождать кризис доверия к государству, к социальным институтам, вызывая чувство пессимизма, неверия в будущее, что в определенной степени поясняет развитие стратегии нарциссов, опирающихся на теорию выживания, в которой приоритетными оказываются только личные ценности. В этом плане безусловно не следует забывать о том, что нарастание нигилизма и цинизма, апатии, отсутствия смысла является в какой-то степени вполне объяснимой и логичной реакцией на реальность, в которой живет человек, в которой будущее видится не как долгожданная гармония, а как угрожающая неопределенность.

Итак, мы видим, согласно рассмотренным разнообразным философским позициям, что сегодня можно констатировать все большую отстраненность человека от мира социума. Маятник качнулся от общества в сторону индивида. Личность, не без оснований, пытается дистанцироваться от социума, избегая интенсивной совместной жизни и полагаясь только на себя в своем собственном отдельном существовании. Подобное существование человека побуждает его отказываться от долгосрочных проектов, отдавать предпочтение малому и индивидуализировать моральные и политические решения. Подобная отчужденность лишь в некоторой степени соответствует марксист-

скому «отчуждению». В нем, как известно, речь шла о превращении человека в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих классов, разрушении личности так таковой. Сегодня же человек не одномерен в смысле Г. Маркузе, когда репрессивное общество порождало одномерного человека, а подавляемый человек воспроизводил отношения принуждения. В рамках современных реалий скорее можно говорить о том, что человек не отчужден, а вовлечен в социальные связи. Он может одновременно реализовываться в разных социальных ролях, будучи вездесущим, многоликим, синкретичным, но при этом оставаться безразличным к социуму или рассматривать общественное как пространство, на котором проектируется только индивидуальное, частное. Налицествует упомянутый нами процесс персонализации, индивидуализации, в котором личность является личностью лишь фактически, формально, но не глубинно – сущностно. Она лишь с позиции наблюдателя относится к миру социума, к которому по большому счету равнодушна и в котором слабо укоренена. Но совершенно очевидно, что личность в ее целостном понимании, в ее подлинности не может реализоваться в качестве таковой, не будучи социально ориентированной. И хотя, безусловно, социум всегда вступал в двойственные взаимоотношения с человеком (был одновременно его враждебной, репрессивной силой и его объективно необходимым условием), сегодня он в меньшей степени, чем прежде, враждебен ему. Напротив, он является необходимым условием, вне которого человек не может реализовать полностью свой жизненный проект.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер с англ. М.: Логос, 2002.
2. Жукова О. И. Современное общество и место в нем человека // Вестник Томского государственного университета. № 300 (I), июль 2007. С. 47 – 53.
3. Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб.: Владимир Даль, 2001.
4. Философия истории: учебное пособие / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999.
5. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. М.: Прогресс-Академия, 1992.

Информация об авторах:

Жукова Ольга Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии КемГУ, oizh@list.ru.
Olga I. Zhukova – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Жуков Владимир Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Кемеровской государственной медицинской академии, 8 906-988-09-26, oizh@list.ru.

Vladimir D. Zhukov – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Kemerovo State Medical Academy.

Статья поступила в редколлегию 26.01.2015 г.